

8. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru>.
9. Шемякина А.В. Стратегии персонализации в институциональном дискурсе (на материале английских и русских перформативных высказываний) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
10. Штайнзальц А. Роза о тринадцати лепестках [Электронный ресурс]. URL : <http://www.plam.ru/relig/>.
11. Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL : <http://www.eleven.co.il/article/13446>.

* * *

1. Natsionalnyy korpus russkogo yazyika [Elektronnyy resurs]. URL : <http://www.ruscorpora.ru>.
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyy slovar russkogo yazyika [Elektronnyy resurs]. URL : <http://ozhegov.info/slovar/>.
3. Solzhenitsyn A. Raskayanie i samoogranichenie kak kategorii natsionalnoy zhizni. URL: <http://www.gumer.info>.
4. Stolin V.V. Konfliktnyy lichnostnyy smysl – edinitsa samosoznaniya lichnosti // Psihologiya konflikta / sost. i obsch. red. N.V. Grishinoy. SPb. : Piter, 2001. S. 253–269.
5. Tolkovyy slovar russkogo yazyika / pod red. D.N. Ushakova. M. : TERRA, 1996.
6. Тура В.Ю. Diskurs / Zhanr. M. : Intrada, 2013.
7. Fasmer M. Etimologicheskyy slovar russkogo yazyika [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.onlinedics.ru>.
8. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar [Elektronnyy resurs]. URL: <http://dic.academic.ru>.
9. Shemyakina A.V. Strategii personalizatsii v institutsionalnom diskurse (na materiale angliyskiy i russkiy performativnyy vyiskazyvaniy) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2004.
10. Shtaynzalts A. Roza o trinadtsati lepestkah [Elektronnyy resurs]. URL : <http://www.plam.ru/relig/>
11. Elektronnaya evreyskaya entsiklopediya [Elektronnyy resurs]. URL : <http://www.eleven.co.il/article/13446>.

Repentance as a performative speech genre

There are considered the performative characteristics of the speech genre “repentance”. The genre is considered as performative as, first of all, its concept is included into the cognitive model of the act, and second, it leads to the transformation of the value status of the speaker, and in some cases – the addressee.

Key words: speech genre, performative characteristics, repentance, act, transformation of the value status.

(Статья поступила в редакцию 23.06.2014)

Т.В. УСТИНОВА
(Омск)

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ТЕКСТОВ С НЕОПРЕДЕЛЕННО ВЫРАЖЕННОЙ СЕМАНТИКОЙ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ (НА ПРИМЕРЕ «ЯЗЫКОВЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ» КЛАРКА КУЛИДЖА)

С позиций когнитивно-дискурсивного подхода рассматриваются особенности понимания экспериментальных поэтических текстов с аномалиями лексико-семантической сочетаемости. Специфика конструирования значения в процессе чтения анализируется в свете теории ментальных пространств и концептуальной интеграции. Иконичность порядка слов и метонимия определяют как когнитивные механизмы, обеспечивающие потенциальную возможность интерпретации текста.

Ключевые слова: «языковая поэзия», ментальные пространства, концептуальная интеграция, метонимия.

По мнению М.И. Лекомцевой, тексты с неопределенно выраженной семантикой – это «тексты, состоящие из звуковых комплексов, не имеющих фиксированной интерпретации, и смысл которых невыводим из составляющих такой текст комплексов» [5, с. 94]. Неопределенность семантики стихотворений авангардного американского поэта Кларка Кулиджа, представителя поэтического течения $L=A=N=G=U=A=G=E$ School of Poetry, заключается в другом: каждое слово в отдельности без труда семантизируется читателем, однако мотивация сочетания слов практически невыводима. «Языковые стихотворения» К. Кулиджа в сборнике “*The Maintans*” [13] представляют собой наборы из отдельных слов и окказиональных словосочетаний. Здесь отсутствует законченность канонического предложения как комплексной номинации с его «целостным ансамблем элементов ситуации», что максимально затрудняет идентификацию направлений развертывания дискурса. Однако множество прагматических условий порождения и восприятия этих «наборов слов» – коммуникативная интенция автора, использование в определенном функциональном типе речи (художественной литературе), наличие специфического адресата (читателя), специфическая ритмико-интонационная орга-

низация и графическое оформление – не позволяют рассматривать их как чисто языковой изыск. Несмотря на отсутствие локальной связности, целостность текста *The Maintans* обеспечивается единством использующегося художественного приема остранения, однородностью ритмической организации и специфической авторской интенциональностью в процессе создания текста – установкой на экспериментальную деконструкцию языка. Таким образом, в целом текст сборника выступает как коммуникативный знак со специфическими дискурсивными характеристиками.

Намеренно сконструированная автором невозможность конвенциональной интерпретации смысловых связей между сочетаемыми единицами чрезвычайно затрудняет читательскую рецепцию текста, приближая заявленный «языковыми поэтами» идеал трудного, «антипоглощающего (*antiabsorptive*) чтения» [11]. По сути, передача сообщения в процессе такого чтения есть перекодировка информации за счет постоянных сдвигов контекста – «агрессия автокоммуникации в чуждую ей языковую среду» [6, с. 85]. Ю.М. Лотман, описывая сложное устройство смысловых трансформаций в автокоммуникативной системе, отмечает: «Следуя законам автокоммуникации – членению текста на ритмические куски, сведению слов к индексам, ослаблению семантических связей и подчеркиванию синтагматических, – поэтический текст вступает в конфликт с законами естественного языка» [Там же, с. 87]. Тексты с неопределенно выраженной семантикой, несомненно, рассчитаны на фасцинирующее восприятие, которое, по определению В.И. Карасика, «проявляется как эмоциональное переживание, эмпатическое слияние с текстом, ощущение его значимости для личности»: «При определенном уровне эрудиции и заинтересованности в восприятии сообщения у получателя информации возникает отклик в виде развития содержания этого сообщения» [4, с. 46]. По Ю.М. Лотману, читатель «приписывает» элементам таких текстов определенные значения, ориентируясь на их синтагматическую организацию: «<...> синтагматически высокоорганизованные асемантические тексты имеют тенденцию становиться организаторами наших ассоциаций. <...> Таким образом, текст несет тройные значения: первичные, общезыковые, вторичные, возникающие за счет синтагматической перерганизации текста и со- и противопоставления первичных единиц, и третьей ступени – за счет втягивания в сообщение и организации по

его конструктивным схемам внетекстовых ассоциаций разных уровней, от наиболее общих до предельно личных» [6, с. 83].

Анализ механизмов восприятия текстов с неопределенно выраженной семантикой с позиций когнитивно-дискурсивного подхода позволяет описать сложный процесс конструирования значения как факт мышления читателя. Например, И.А. Тарасова рассматривает читательское восприятие футуристических текстов в терминах теории «отсроченной категоризации» Р. Цура: «Очевидно, что поэзия футуризма провоцирует "отсроченную" категоризацию, и та настойчивость, с которой это осуществляется, позволяет предположить, что данный процесс претендует на статус когнитивной доминанты восприятия футуристического текста» [8, с. 203]. Когнитивный анализ восприятия сложной поэтической фактуры, образованной чередованием обычного и заумного языка, проводится И.А. Тарасовой с точки зрения соотношения «фигуры» и «фона» [Там же, с. 208–211]. Исследователь приходит к заключению, что в ряде случаев отсроченная категоризация в процессе интерпретации стихов футуристов сопровождается индивидуальной концептуализацией, понимаемой И.А. Тарасовой как «формирование концепта текста не на логической, а на эмоциональной, фонетической, сенсорной основе» [Там же, с. 207].

По нашему мнению, для когнитивно-дискурсивного анализа сущности читательской рецепции текстов, построенных на анимализации лексико-семантической сочетаемости, необходимо более детальное рассмотрение следующих аспектов: 1) иконичности порядка слов, позволяющей читателю интерпретировать синтагматические отношения в словесных комбинациях; 2) особенностей конструирования ментальных пространств в сознании читателя; 3) специфики взаимосвязей в структуре ментальных пространств; 4) метонимии как основного когнитивного механизма, обеспечивающего возможность интерпретации текста с неопределенно выраженной семантикой.

1. Языковая иконичность как когнитивный феномен подробно рассматривается У. Ван Лангендонком [22]. Автор отмечает, что современное понимание когнитивных, функциональных и прагматических параметров иконичности требует ее рассмотрения в связи с проблемами изоморфизма и мотивированности формы и содержания, семантической маркированности и языковой экономии [22, р. 395–397]. Очевидно, что, например, ког-

нитивная обработка зауми становится возможной благодаря фонетической иконичности – наличию аналоговой связи между звуковой формой слова и внеязыковым референтом, как, например, в «Бобэоби...» Хлебникова, где, как отмечает М.И. Шапир, «заумные слова имеют сходство не только с изображенными на портрете предметами, но и с их общеязыковым обозначением» [9, с. 303].

Что касается иконичности порядка слов (*word-order iconicity*) [22, р. 407–413], У. Ван Лангендонк отмечает, что порядок располагаемых рядом слов (прямая или относительная смежность) иконически отражает взаимозависимость в смысловом содержании вербализуемых этими словами концептов [Там же, р. 409]. Такая иконичность примыкания приобретает чрезвычайную важность в текстах с неопределенно выраженной семантикой, поскольку при невозможности установления конвенциональных взаимосвязей именно расположение слов в стихотворной строке маркирует степень их смысловой близости и позволяет концептуализатору окказионально надеяться возможностью интеграции концепты, задаваемые близкорасположенными языковыми формами.

2. Важнейшее свойство ментальных пространств заключается в их моделирующей функции. Один из постулатов теории ментальных пространств гласит, что пространства состоят из концептуальных элементов без фиксированных свойств и качеств, а «конструкторы пространств» (*space-builders*) мотивируют ситуацию. По Ж. Фоконье, «язык содержит множество устройств, которые управляют конструированием и связью ментальных пространств» [16, р. 371] – синтаксические позиции («подлежащее + сказуемое», «сказуемое + дополнение» и др.), категории модальности и темпоральности и соответствующие формы времен и наклонений, коннекторы (союзы, предлоги, наречия), связывающие группы высказываний и др. В максимально деконтекстуализированных «языковых стихотворениях» К. Кулиджа большинство из таких «конструкторов пространств» отсутствует или используется аномально, в несвойственных им синтаксических функциях и ролях. Соответственно, большое значение для дискурсивного конструирования смысла и установления связи между пространствами приобретают имена (именные группы).

Одна из пионерских работ основателей теории концептуальной интеграции М. Тёрнера и Ж. Фоконье содержит важнейшее замечание

об отношении языковых выражений и концептуальных конструкторов: “Formal expression in language is a way of prompting hearer and reader to assemble and develop conceptual constructions, including blends; there is no encoding of concepts into words or decoding words into concepts” [21, р. 183]. Если языковые выражения – это инструкции, в соответствии с которыми осуществляется некое ментальное конструирование ситуаций [7], то «языковые стихи» К. Кулиджа – это разупорядоченные элементы пространств, оснащенные минимальным количеством *space-builders* – в основном именами (именными группами). Заявленное «языковыми поэтами» стремление достичь «нулевой степени письма» (в бартовском смысле понятия) у К. Кулиджа реализуется как попытка максимально затруднить читателю процесс конструирования ментального пространства. Читателю предлагается набор дискретных элементов для «сборки и развития» собственной концептуальной конструкции. Приведем типичный пример контекста К. Кулиджа:

*as a tremor with quoins
game
tape
red bill
also any of several serrate jars
the only place force genus
cause of roll
start from hat
state* [13, р. 2].

Алеаторика как метод композиции стихотворения относится к одной из отличительных черт поэзии представителей «Языковой школы», унаследованной ими от поэтов-объективистов (У. К. Уильямса и Л. Зукофски). Соответственно, случайная комбинация элементов рассматривается как способ поэтического смыслообразования. Такой подход к конструированию значения соотносится с удивительно тонким пониманием сущности стихотворной речи классиками лингвопоэтики – русскими формалистами: «<...> речь поэтическая строится путем сопоставления, сталкивания между собою самостоятельных элементов языка как таковых, что приводит к игре на противопоставлении собственно языковых форм соответствующим им формам логическим» [1, с. 109]. Действительно, сборка концептуальных конструкторов, задаваемых языковыми выражениями в текстах с неопределенно выраженной семантикой, противоречит логической, рациональной «обработке данных», т.е. лежит в области когниции – по В.З. Демьянкову, в сфере «интуитивного “препозна-

ния”», противопоставленной сфере рассудочного, «дискурсивного» познания [2, с. 6–7].

3. *The Maintains* К. Кулиджа содержит окказиональные сочетания разных видов. Большинство из них представляют собой составленные методом нарезок «галактики из существительных, глаголов, прилагательных, наречий, артиклей, предлогов и словесных фрагментов» [20, р. 6]. Однако некоторые случаи можно идентифицировать как окказиональные словосочетания с подчинительной синтаксической связью, а именно как атрибутивные сочетания «существительное + существительное» (субстантивные группы подчинительно-атрибутивного типа): *branch nut, affix ship, clock prefix, pipe trope, bacon lazarus* [13, р. 7, 10, 13, 15] и др. Если исследовать взаимосвязи в структуре ментальных пространств в свете теории концептуальной интеграции [17], то такие сочетания можно определить как случаи выражения значения путем конструирования интегрированных когнитивных моделей (блендов). Например, следующий отрывок содержит несколько словесных сочетаний (*soup spindle, cloth ink, pit spring*), которые в силу особой структурной организации высказывания могут определяться рецептором как подчинительно-атрибутивные:

soup spindle
cloth ink
pit spring
bones to the axis of the bore to part
holding to do that draft
mar [13, р. 3].

Интеграция концептов SOUP и SPINDLE, CLOTH и INK, PIT и SPRING в наименьшей степени отвечает «топологическому условию интеграции», описанному Ж. Фоконье и М. Тёрнером [17, р. 164], поскольку межпространственное взаимодействие осложняется из-за отсутствия большого набора коррелирующих связей внутри смешиваемых пространств. Специфика компрессии связей здесь проявляется в том, что в процессе аналогического картирования взаимодействующих структур двух доменов отсутствуют прямые, непосредственные связи между концептами, а имеет место так называемое метонимическое сжатие (*metonymic tightening* [15, р. 187–188]), которое служит средством компрессии расстояния между взаимодействующими элементами. Особенностью селективного проектирования в процессе интеграции будут определяться спецификой индивидуального (онтологического и языкового) опыта читателя, в том числе его представлениями о том, какие именно

элементы составляют базовое концептуальное пространство – и базовое «онтологическое» пространство в понимании Тёрнера и Фоконье [17], имеющее отношение к представлению концептуализатора о «действительности», и базовое «семиотическое» пространство в понимании Брандт и Брандт [12, р. 224], имеющее отношение к дискурсивной ситуации, в которой данное высказывание получает свою уникальную языковую реализацию. Соответственно, детерминанты «фоновой когниции» (*background cognition* [14, р. 1516]) в нестандартной ситуации восприятия языковых девиаций поэта будут весьма различаться у разных концептуализаторов, поскольку сконструированная поэтом смысловая неопределенность текста стимулирует вывод нескольких контекстуальных допущений: “<...> all sentences rely importantly on contextual assumptions that vary in their transparency to speakers and hearers” [Там же, р. 1517].

4. Явление метонимии имеет значение для анализа читательской рецепции девиантного текста в нескольких направлениях. Во-первых, метонимия, наряду с метафорой, трактуемая как динамическая категория риторической типологии (см. теорию двухполюсной структуры языка Р. Якобсона [10]), может выступить в качестве обоснования механизмов функционирования любой семиотической системы и экстраполироваться на сферу искусства (не только словесного) и шире – человеческого поведения (внутриличностного и социального) [Там же, с. 127]. «Языковые стихи» К. Кулиджа лежат на «оси метонимии» (термин Р. Якобсона [Там же, с. 125]): автор экспериментирует с языковыми «отношениями смежности», исследуя смыслообразовательный потенциал в условиях их предельной нарушенности – намеренно сконструированного аграмматизма вплоть до «словесного нагромождения».

Помимо метариторического аспекта, «ось метонимии» проявляется в виде привлечения когнитивного механизма «переноса по смежности» для конструирования значения в процессе восприятия текстов с неопределенно выраженной семантикой.

Метонимии в когнитивной лингвистике уделяется повышенное внимание в связи с признанием ее в качестве базового (наряду с метафорой) когнитивного инструмента освоения человеком окружающей действительности. Когнитологи признают метонимию концептуальным феноменом и когнитивным процессом [19, р. 17]. Ключевой предпосылкой

для построения когнитивной теории метонимии является постулат о том, что «метонимия не просто замещает один объект/сущность другим, но соотносит их, обеспечивая их взаимодействие для формирования нового, комплексного значения» [19, p. 19].

Метонимический перенос на концептуальном уровне охватывает широкий спектр концептуальных взаимосвязей, соотносимых с языковым выражением. Рассматривая метонимию в терминах теории идеализированных концептуальных моделей (ИКМ), З. Радден и Г. Ковечеш отмечают, что сеть концептуальных взаимоотношений ИКМ генерирует ассоциации, которые потенциально можно задействовать для метонимического переноса [Там же, p. 20]. Для анализа читательской рецепции текстов с неопределенно выраженной семантикой важно учитывать получившую широкое признание типологию метонимических переносов З. Раддена и Г. Ковечеша, охватывающую три уровня – когнитивный (концепты), уровень языковой объективации (языковые формы) и уровень соотносительности языковых знаков с объектами внеязыковой действительности (вещи и события объективной или воображаемой реальности). З. Радден и Г. Ковечеш выделяют несколько типов метонимических отношений: 1) отношения между формой и концептом (FORM for CONCEPT); 2) «референциальные» отношения между формой и/или концептом и объектом действительности (FORM-CONCEPT for THING/EVENT; CONCEPT for THING/EVENT; FORM for THING/EVENT); 3) концептуальную метонимию, построенную на замещении одного концептуального единства (знака как единства языковой формы и концептуального образования – «форма-концепт») другим (FORM_A-CONCEPT_A for FORM_B-CONCEPT_B; FORM-CONCEPT_A for CONCEPT_B; FORM_A-CONCEPT_A for FORM_B-CONCEPT_B) [Там же, p. 24–28].

Таким образом, «направление метонимизации» характеризуется следующей иерархией выбора источника метонимии: «форма > форма+концепт > концепт > реальность», где языковая форма служит средством доступа к концепту, а единство формы и концепта (“form-concept”) обеспечивает доступ к вещи/событию реальности [Там же, p. 29]. В случае восприятия текстов с неопределенно выраженной семантикой речь идет не о подробно описанной лингвистами метонимии, когда один знак замещает другой на основании отношений смежности, а о метонимии типа

FORM for CONCEPT и FORM-CONCEPT for THING/EVENT, когда языковая форма обеспечивает доступ к субъективной реальности читающего. Очевидно, что человек в принципе не имеет другого способа вербального выражения, кроме использования языковой формы в качестве субститута концепта – «язык и любая другая коммуникативная система по определению метонимичны» [19, p. 29]. Конструирование значения в процессе чтения текстов с неопределенно выраженной семантикой апеллирует к этому имманентному свойству языка как системы коммуникации. Читатель помещен в ситуацию необходимости «перевоссоздания» отношений между языковой формой и концептом. Нарушая ожидания относительно лексико-семантической сочетаемости языковых единиц, поэт заставляет читателя сконструировать окказиональное содержательное наполнение словесного знака. По замыслу «языковых поэтов», такая радикализация отношений смежности между языком и нашими представлениями об объектах внеязыковой действительности помогает говорящим выйти из кризиса репрезентации, преодолеть навязанную обществом догматизацию и фетишизацию слова и в конечном счете вернуть языку его смысл: “<...> the resulting transmutative effect would be caused by the feedback between the meaning and an intentionally added reframing of its tonal value affecting a shift in its remembered, historicized meaning” [18].

Подводя итог рассмотрению особенностей рецепции текстов с неопределенно выраженной семантикой, отметим, что читательская интерпретация девиантных стихов К. Кулиджа сопряжена с трудностями в нескольких аспектах (по В.З. Демьянкову – «модулях») [3, с. 58]) понимания. Во-первых, подрывается «языковая уверенность» читателя: авторское и читательское индивидуальное языковое знание (и их представления о коллективной языковой конвенции) разнятся. Во-вторых, затруднена верификация гипотетических интерпретаций в процессе развертывания речи: аномалии синтаксической организации, лексико-семантической сочетаемости, деконтекстуализация препятствуют «распознаванию истинных иерархий в высказывании» [Там же, с. 59]. Соответственно, установление коммуникативного намерения автора и мотивации высказывания также осложняется. Характеристики модуля «освоения» [Там же, с. 60–61] читателем текста с неопределенно выраженной семантикой мы, вслед за В.З. Демьянковым, считаем возможным представить как моделирование

возможных миров, исходя из предпосылки, что «модельный мир строится как в “контексте психики” (понимание “внутреннего знака”, или самонаблюдение), так и в рамках “идеологической системы” в смысле В.Н. Волошинова (при понимании чужой речи)» [3, с. 60]. Модельный мир, выстроенный читателем по девиантному высказыванию, наверняка не укладывается в его представления о действительности (онтологической и языковой), однако чрезвычайно расширенный «фон понимания» («вложение” неосознанных презумпций интерпретатора в модельный мир» [Там же, с. 62]) обеспечивает своеобразный трансгрессивный выход за пределы конвенционального бытования языка и обнаружение иных возможностей представления человеку смыслов.

Литература

1. Винокур Г.О. Поэтика. Лингвистика. Социология (Методическая справка) // Лef. 1923. № 2. С. 104–118.
2. Демьянков В.З. Когниция и понимание текста // Вопр. когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 5–10.
3. Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопр. языкознания. 1983. № 6. С. 58–67.
4. Карасик В.И. Лингвoseмиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 43–50.
5. Лekomтцева М.И. Особенности текста с неопределенно выраженной семантикой // Труды по знаковым системам. Вып. XXI : Символ в системе культуры. Тарту, 1987. С. 94–103.
6. Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Статьи по семиотике и топологии культуры : избр. ст. : в 3 т. Таллин : Александра, 1992. Т. I. С. 76–89.
7. Скребцова Т.Г. Языковые бленды в теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера // Respectus Philologicus. Vilniaus Universiteto. 2002. № 2 (7).
8. Тарасова И.А. Когнитивные категории в интерпретации футуристического текста // Литературно-художественный авангард в социокультурном пространстве российской провинции: история и современность : сб. ст. участников Междунар. науч. конф. / отв. ред. И.Ю. Иванюшина. Саратов : Изд. центр «Наука», 2008. С. 202–211.
9. Шапир М.И. О «звукосимволизме» у раннего Хлебникова («Бобэоби пелись губы...»): фоническая структура // Культура русского модернизма. Readings in Russian Modernism. Серия UCLA Slavic Studies. М.: Наука, 1993. Т. I. С. 299–307.
10. Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры : сб. / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. ; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 110–132.
11. Bernstein Ch. Artifice of Absorption // A Poetics / Charles Bernstein. Harvard University Press, 1992. P. 9–89.
12. Brandt L., Brandt P.A. Making Sense of a Blend. A Cognitive-semiotic Approach to Metaphor // Annual Review of Cognitive Linguistics. 2005. N. 3. P. 216–249.
13. Coolidge C. The Maintains. This Press. Oakland, 1974 [Electronic resource]. URL : <http://eclipsarchive.org/projects/MAINTAINS/Maintains.pdf> (дата обращения: 20.05.2014).
14. Coulson S., Oakley T. Blending and Coded Meaning: Literal and Figurative Meaning in Cognitive Semantics // Journal of Pragmatics. 2005. N. 37. P. 1510–1536.
15. Coulson S., Oakley T. Blending Basics // Cognitive Linguistics. 2000. N. 11–3/4. P. 175–196.
16. Fauconnier G. Mental Spaces // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / ed. by D. Geeraerts and H. Cuyckens. Oxford University Press, 2007. P. 351–376.
17. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. Vol. 22 (2). 1998. P. 133–187.
18. Piombino N. Writing and Imaging [Electronic resource] // L=A=N=G=U=A=G=E, 1979. N. 8. URL : eclipsarchive.org/projects/LANGUAGEn8/Language8.pdf (дата обращения : 02.06.2014).
19. Radden G., Kövecses Z. Towards a Theory of Metonymy // Metonymy in Language and Thought / ed. by Klaus-Uwe Panther and Gunter Radden. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 1999. P. 17–60.
20. Saroyan A. Clark Coolidge and I // Stations: a Symposium on Clark Coolidge. 1978. N. 5. P. 6–7.
21. Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration and Formal Expression // Journal of Metaphor and Symbolic Activity. 1995. Vol. 10. N. 3. P. 183–203.
22. Van Langendonck W. Iconicity // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / ed/ by D. Geeraerts and H. Cuyckens. Oxford University Press, 2007. P. 394–420.

* * *

1. Vinokur G.O. Poetika. Lingvistika. Sotsiologiya (Metodicheskaya spravka) // Lef. 1923. № 2. S. 104–118.
2. Demyankov V.Z. Kognitsiya i ponimanie teksta // Voprosyi kognitivnoy lingvistiki. 2005. № 3. S. 5–10.
3. Demyankov V.Z. Ponimanie kak interpretiruyuschaya deyatelnost // Vopr. yazykoznaninya. 1983. № 6. S. 58–67.
4. Karasik V.I. Lingvosemioticheskoe modelirovanie tsennostey // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 1 (39). S. 43–50.
5. Lekomtseva M.I. Osobennosti teksta s neopredelenno vyirazhennoy semantikoy // Trudyi po znakovym sistemam. Vyip. XXI : Simvol v sisteme kul'turyi. Tartu, 1987. S. 94–103.

6. Lotman Yu.M. O dvuh modelyakh kommunikatsii v sisteme kulturyi // Stati po semiotike i topologii kulturyi : izbr. st. : v 3 t. Tallin : Aleksandra, 1992. T. I. S. 76–89.
7. Skrebtsova T.G. Yazyikovyye blendyi v teorii kontseptualnoy integratsii Zh. Fokone i M. Ternera // Respectus Philologicus. Vilniaus Universiteto. 2002. № 2 (7).
8. Tarasova I.A. Kognitivnyie kategorii v interpretatsii futuristicheskogo teksta // Literaturno-hudozhestvennyiy avangard v sotsiokulturnom prostranstve rossiyskoy provintsii: istoriya i sovremennost : sb. st. uchastnikov Mezhdunar. nauch. konf. / otv. red. I.Yu. Ivanyushina. Saratov : Izd. tsentr «Nauka», 2008. S. 202–211.
9. Shapir M.I. O «zvukosimvolizme» u rannego Hlebnikova («Bobeobi pelis gubyi...»): fonicheskaya struktura) // Kultura russkogo modernizma. Readings in Russian Modernism. Seriya UCLA Slavic Studies. M.: Nauka, 1993. T. I. S. 299–307.
10. Yakobson R. Dva aspekta yazyika i dva tipa afaticheskikh narusheniy // Teoriya metaforyi : sb. / per. s angl., fr., nem., isp., polsk. yaz. ; obsch. red. N.D. Arutyunovoy i M.A. Zhurinskoy. M. : Progress, 1990. S. 110–132.
11. Bernstein Ch. Artifice of Absorption // A Poetics / Charles Bernstein. Harvard University Press, 1992. P. 9–89.
12. Brandt L., Brandt P.A. Making Sense of a Blend. A Cognitive-semiotic Approach to Metaphor // Annual Review of Cognitive Linguistics. 2005. N. 3. P. 216–249.
13. Coolidge C. The Maintains. This Press. Oakland, 1974 [Electronic resource]. URL : <http://eclipsearchive.org/projects/MAINTAINS/Maintains.pdf> (data obrascheniya: 20.05.2014).
14. Coulson S., Oakley T. Blending and Coded Meaning: Literal and Figurative Meaning in Cognitive Semantics // Journal of Pragmatics. 2005. N. 37. P. 1510–1536.
15. Coulson S., Oakley T. Blending Basics // Cognitive Linguistics. 2000. N. 11–3/4. P. 175–196.
16. Fauconnier G. Mental Spaces // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / ed. by D. Geeraerts and H. Cuyckens. Oxford University Press, 2007. P. 351–376.
17. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. Vol. 22 (2). 1998. P. 133–187.
18. Piombino N. Writing and Imaging [Electronic resource] // L=A=N=G=U=A=G=E, 1979. N. 8. URL : eclipsearchive.org/projects/LANGUAGEn8/Language8.pdf (data obrascheniya : 02.06.2014).
19. Radden G., Kovecses Z. Towards a Theory of Metonymy // Metonymy in Language and Thought / ed. by Klaus-Uwe Panther and Gunter Radden. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 1999. P. 17–60.
20. Saroyan A. Clark Coolidge and I // Stations: a Symposium on Clark Coolidge. 1978. N. 5. P. 6–7.
21. Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration and Formal Expression // Journal of Metaphor and Symbolic Activity. 1995. Vol. 10. N. 3. P. 183–203.
22. Van Langendonck W. Iconicity // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / ed/ by D. Geeraerts and H. Cuyckens. Oxford University Press, 2007. P. 394–420.

Reader's reception of the texts with indefinitely expressed semantics: cognitive and discursive aspects (by the example of the "language poems" by C. Coolidge)

From the positions of the cognitive and discourse approach there are considered the peculiarities of comprehension of the experimental poetic texts with the abnormalities of the lexical and semantic collocation. The specific character of the meaning in the reading process is analyzed in the light of the theory of mental spaces and conceptual integration. The iconic character of the word order and metonymy are determined as cognitive mechanisms that provide the potential of the text interpretation.

Key words: "language poetry", mental spaces, conceptual integration, metonymy.

(Статья поступила в редакцию 20.06.2014)

